Список литературы

Гаджиев, К.С. Политическая наука. – М., 1994.

Кистяковский, Б.А. Социальные науки и право. – М., 1916.

Ледяев, В.Г. Власть: концептуальный анализ. – М., 2001.

Халипов, В.Ф. Кратология как система наук о власти. – М., 1999.

© Тарасова Е.П., 2010

Х.С. Саидов

ТЕОКРАТИЯ В ПОИСКАХ НОВОЙ СИСТЕМЫ ЭТНОНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ИРАН)

САИДОВ Хомид Саидович – кандидат философских наук, доцент, докторант кафедры национальных и федеративных отношений РАГС (e-mail: saidov53@mail.ru)

Аннотация. *В статье рассматриваются некоторые теоретические и практические аспекты формирования этносистемы в условиях становления теократического государства в Иране после победы исламской революции.*

Ключевые слова: *теократия, соотношение национального и религиозного, велаят-е факих, национально-языковая политика.*

Современный Иран представляет собой государство с населением 70 млн, демонстрирующее в последнее годы высокие темпы экономического роста: в 2000–2007 гг. среднегодовой темп прироста ВВП составил 5,9% при среднемировом уровне в 3,2%[1]. Валовый национальный доход в Исламской Республике Иран (ИРИ) на душу населения составил в 2007 г. 3470 долл[2].

В течение последнего десятилетия Иран уверенно показывает заметные успехи в наращивании своего экономического, военного, научного и культурного потенциала. Все это стало результатом реализации модели развития общества, а главное – результатом эволюции ее отдельных компонентов. Как справедливо отмечает известная российская исследовательница Н.М. Мамедова, «тридцатилетный опыт исламского правления

[1] World Dewelopment Report 2009 . – Washington., 2009. – P. 356–357.

[2] См. там же. – С. 352.

как поиск стратегии развития, альтернативной модели либерализма, безусловно, представляет исторический интерес»[1].

Поэтому важно понимать, что же представляет собой теократическая власть. К пониманию теократии могут быть применены разные подходы. Наиболее распространенным в современной науке является традиционный европейский теологический подход, согласно которому теократия означает в буквальном смысле «власть бога», управляющего всеми делами общества (от греч. teos – бог и kratos – власть).

Основатель ИРИ Р. Хомейни определял суть этого государства как народную власть, руководство которой призвано выражать волю народа, управляя страной на основе предписаний ислама и от имени Аллаха (единственного законного и абсолютного правителя человечества). Эти предписания наилучшим образом знают и понимают только религиозные деятели, высшие слои шиитского духовенства – факихи. Идеальным имам считал установление единоличной власти верховного факиха, который может выполнять временно (до возвращения «сокрытого имама») функции руководителя общины, и даже употреблял в качестве синонимов термины «власть факиха» (велаят-е факих)[2].

Одним из актуальных социально-политических вопросов после исламской революции в стране в рамках принципа «велаят-е факих» был вопрос этнонациональный. В этой связи духовенство выработало и предложило программу переустройства общества – программу радикальной исламизации общественной жизни, в частности, переустройства сферы этнонациональных отношений в рамках исламского образа правления. Поэтому для иранского руководства исторической необходимостью после провозглашения исламской революции стал вопрос о путях решения этнонациональных проблем в стране. За основу была взята концепция, затрагивающая вопросы влияния национального и религиозного факторов на общественно-политическое развитие иранского общества. Как показывает теория и практика, государственные преобразования в Иране, проблема соотношения «национального» и «религиозного», в зависимости от характера общественно-политических отношений, иранским духовенством понималось как особый путь к решению национального вопроса в мусульманской общине.

В специфических условиях Ирана в основе решения этнонациональных проблем в качестве консолидирующей силы была использована концепция «мусульманского единства», а не национальные или патриотиче-

---

[1] Тридцать лет исламской революции в Иране. – М., 2009. – С. 97.

[2] Принцип «велаят-е факих» – правление наиболее уважаемого и авторитетного в шиитской общине исламского богослова. В переводе с персидского языка термин «велаят-е факих» обозначает «власть факиха», «попечительство факиха» или «наместничество факиха».

ские идеи. Эта концепция в иранском обществе, по сравнению с другими странами, имеет свои глубокие корни. Историческая ретроспекция показывает, что со времен создания Аббасидского Халифата (750–1258 гг.) была так называемая «иранизация халифата» (истид'жам), в результате которого государство на долгие годы обрело квази-иранские обличье. В этих условиях главенствующим фактором в плане толерантности в межнациональных отношениях арабов и иранцев в значительной мере стало мусульманское единство, что и привело к изменению статуса арабов. Как показывает историческая хроника, еще при первом халифе ас-Саффахе (750–754 гг.) слово «араб» в официальных документах было заменено словом «мусульманин». В отношениях со своими подданными правители все менее исходили из учета их этнической принадлежности. Это положение в дальнейшем в значительной степени предопределялось тем, что согласно положениям исламского права, фикха, мусульмане различных государств оставались членами единой умы последователей вероучения Мухаммада[1]. Последствия падения Аббасидского халифата, положившего начало появлению новых национально-государственных образований, не смогло расколоть уму, и на практике данное положение воплощалось вплоть до конца XIX в. Именно эти моменты преобладали при разработке этнонациональной политики, и новый исламский режим отдавал приоритет идее мусульманской солидарности иранского народа на основе религии, а этнонациональные различия игнорировались. Такие особенности возникают из самой сути религии ислама. Как отмечает З.Н. Левин, это происходит потому, что ислам (вместе с иудаизмом) относится к конфессиям, где адресатом доктринальных истин является не индивид в первую очередь, а община, народ. В исламской доктрине «мирские» и «священные» нераздельны, а община определяет форму поведения религиозно-ориентированного мусульманина[2].

В подходах к решению национальных проблем для сторонников идей мусульманской солидарности, вопросом кардинальной важности стало внесение в Конституцию, которую предстояло разработать, и тем самым юридическое закрепление принципа «велаят-е факих» (правление мусульманского богослова-правоведа). Такая постановка вопроса в будущем предопределила характер борьбы между различными религиозными и светскими политическими силами в плане обустройства народов в рамках исламской общины и решения этнонациональных проблем. В Конституцию была заложена концепция «исламского правления» и принцип «велаят-е факих», установление теократического правления, тем самым предоставление особых прерогатив улемам стало отправной точкой в подходах к ре-

[1] См.: *Петрушевский, И.П.* Ислам в Иране в VII – XV вв.: курс лекций. – Л., 1966. – С. 113–118; *Сюкиянен, Л. Р.* Мусульманское право: вопросы теории и практики. – М., 1986. – С. 41–47.

[2] См.: *Левин, З Н.* Реформа в исламе: быть или не быть? – М., 2005. – С. 26.

шению этнонациональных проблем в иранском обществе. Так, ст. 11 Конституции Исламской Республики Иран в соответствии с изречением из Корана декларировала: «Поистине это ваша единая община, единый народ и поистине Я ваш Господь, и мне поклоняются»[1] и в Конституции было записано, что «все мусульмане составляют одну общину», т. е. был сделан акцент на единстве по религиозному признаку и игнорирование различия верующих по национальному признаку.

Согласно ст. 12 Основного закона, официальной религией Ирана принят ислам джафаритского толка. Одновременно другие мазхабы – религиозно-правовые школы (ханафитский, шафиитский, маликитский, ханбалитский), являющиеся суннитскими, а также зейдизм (особая ветвь шиизма) будут пользоваться полным уважением, а также последователи всех толков ислама свободны в отправлении своих религиозных обрядов в сфере религиозного обучения, воспитания и в личной жизни. Основной Закон гласит: «...должны охраняться права последователей других религий» (т. е. отличных от ислама). В статье 13 это положение уточняется, что «иранцы, зороастрийцы, иудаисты и христиане признаются единственными религиозными меньшинствами, которые в рамках закона свободны в отправлении своих религиозных обрядов и в своей личной жизни и религиозном обучении действуют в соответствии со своими обычаями». Так в Конституции понятие «национальное меньшинство» подменено понятием «религиозное меньшинство», что переводит существо этнонационального вопроса в иную плоскость.

Статья 19 гласит: «Иранский народ, из каких бы национальностей и племен он ни состоял, пользуется равными правами. Цвет кожи, раса, язык и тому подобные различия не будут служить причиной получения привилегий». Скорее всего, такая постановка вопроса указывает на формирование общности нового типа, политически выраженной в понятии «иранский народ». Термин «национально-политическая общность» имеет, прежде всего, политическое содержание, и применим ко многим многонациональным государствам, уже достигшим высшего уровня общественного развития. Он не исключает национальной самобытности народов, объединенных в рамках единого государства, у которых самосознание своей этнической общности государственное. Такая практика существует во многих комбинированных обществах. Например, у многих народов многонациональных стран Востока существует двух- или трехступенчатое самосознание, включая самосознание племенное, этнонациональное и государственное. Понятие «иранский народ» в его государственном смысле не имеет ничего общего с понятием «единая иранская нация» в субъективном толковании панираниствов как некой «этнической общности», связанной духовным родством, традициями и культурой.

[1] Конституция Исламской Республики Иран. – Тегеран, 1984. – С. 13.

Тем не менее во всех районах расселения национальных меньшинств развернулось движение за расширение местного самоуправления, что привело к тому, что национальный вопрос в многонациональном Иране обострился и усложнился, а движение национальных меньшинств стало специфической частью борьбы внутри страны. Оно приобретает региональное и даже международное звучание, что обусловлено взаимовлияниями национальных движений курдов, белуджей, арабов, разделенных между сопредельными странами, которые привели к росту национальных движений. Ее отличительной формой было то, что оно проявилось не в период назревания революционного взрыва или самой революции, а на последующих этапах социально-политических преобразований иранского общества.

Все это породило массу вопросов в урегулировании отношений государства с народами и выработку оптимального отношения в рамках управления этнонациональными процессами в стране. А управлять, значит познать функциональную основу жизнедеятельности этносов и влиять на них, как с точки зрения самобытности развития, так и с точки зрения усиления и реализации общих задач общества, государства. Это, по существу, учет этнического фактора в управлении государством и обществом, составляющий национальную политику как систему обеспечения обустройства нации по всем присущим им характеристикам в конкретно-исторических условиях. Применительно к условиям иранского общества, это теоретическое положение показывает общие закономерности управления этнонациональными процессами, т. е. государство, органы власти здесь выступают в роли главного субъекта управления, а конфликты в системе национальных отношений возникают не по горизонтали связей, взаимодействуя с другими этносами, а по вертикали – через нарушения взаимоприемлемого диалога, равновесия и сотрудничества в отношениях с политическими режимами власти[1].

Для исторически полиэтничного общества, каким является иранское, эти теоретические положения проявлялись в специфических условиях исламизации всей общественно-политической жизни страны, идеологической основой которых были призывы создания «общества справедливости» на основе мусульманских эгалитарных догм и исламского национализма.

Исламское руководство по существу придерживается прежней концепции «единая нация — государство», придавая ей конфессиональный смысл теократического государства единоверцев. По словам аятоллы Хомейни, «нет никакой разницы между тюрками, лурами, арабами, фарсами, белуд-

[1] См.: *Абдулатипов, Р.Г.* Управление этнополитическими процессами: вопросы теории и практики. – М., 2001. – С. 4.

жами, поскольку все они мусульмане, члены единой общины[1]», спаянной духовным родством и культурными традициями. Различия между шиитами и суннитами, по его словам, придуманы Западом и раздуваются в целях раскола мусульман.

В Иране ислам в форме шиизма в определенной мере выполнял консолидационные идеологические функции в масштабе страны, в особенности в период колониальной «иноверческой» экспансии капиталистического Запада.

Одним из важных моментов в системе этнонациональных отношений является вопрос о целесообразности национально-языковой политики. В теории и практике исламского государства это имело принципиальное значение, поскольку национально-языковая политика имеет непосредственное отношение к решению вопроса о государственном языке в исламском обществе. В отличие от предыдущих режимов, шиитское духовенство подходило к этому вопросу иначе.

В процессе исторического развития в Иране было принято две Конституции. Первая из них, датированная 1906 г., не фиксировала законодательно статус ни одного из языков, функционировавших на территории страны, но на протяжении многих десятилетий вплоть до исламской революции и принятия новой Конституции языковая политика характеризовалась насильственным насаждением персидского языка и его утверждением дефакто в качестве единственного официального по всему Ирану. Вместе с тем в Конституции 1906 г. было несколько косвенных указаний, служивших юридическим основанием для проведения такой языковой политики и свидетельствовавших о важности той роли, которую руководство Ирана отводило персидскому языку. Так, в ней, например, было сказано о том, что кандидат в депутаты меджлиса должен в достаточной степени владеть персидским языком. А в дальнейшем процессе проведения судебной реформы в начале 20-х годов было принято решение об осуществлении судопроизводства только на персидском языке. И лишь конституция ИРИ, принятая в 1979 г., объявила персидский язык единственным «официальным и общегосударственным для всех народов, населяющих страну»[2]. При этом следует отметить, что в Иране при постановке вопроса о выборе того или иного языка в качестве государственного, персидскому языку не было альтернативы. Ни один из языков так называемых национальных меньшинств, даже азербайджанский или курдский, не мог составить ему конкуренцию. На персидском языке и его диалектах говорит около половины населения Ирана. Вся языковая политика в стране была направлена на его пропаганду и культивирование. Наконец, персидский язык — это язык с глубокими культурно-историческими традициями. Вместе с тем возникает

[1] *Аятолла Хомейни.* Исламское правление. – Алматы, 1993. – С. 58.

[2] Конституция Исламской Республики Иран. – Тегеран, 1984. – Ст. 2. 15.

вопрос, почему языки таких крупных этнических общностей, как азербайджанцы и курды, не рассматривались в качестве возможного претендента на придание ему статуса государственного параллельно с персидским. Это, видимо, можно объяснить двумя обстоятельствами. Во-первых, ни один из национальных языков в Иране не имел под собой такой давней литературной традиции, а число носителей каждого из этих языков не превышало число говорящих на персидском языке. Во-вторых, вероятно, сыграла свою роль проводимая в течение многих десятилетий политика великодержавного иранского национализма и паниранизма, направленная на создание единой иранской нации и провозглашавшая одним из основных ее (нации) признаков языковую общность.

В настоящее время персидский язык обслуживает различные сферы общественной жизни ИРИ: он используется в административном делопроизводстве и судопроизводстве, на нем ведется преподавание в школах и высших учебных заведениях, осуществляется профессионально-техническое обучение, издаются многочисленные газеты и журналы, ведутся передачи по радио и телевидению.

Принимая во внимание тот факт, что Иран является государством многонациональным, где помимо государственного языка, в качестве которого провозглашен язык межэтнического общения, функционируют большое количество языков малых и крупных народов, отдельных племен и этнических групп.

Анализ языковой политики, проводимой руководством Исламской Республики Иран в последнее десятилетие, показывает, какое большое значение придает государство персидскому языку, проблемам его развития и функционирования в современном обществе.

Известно, что на территории современного Ирана проживает более 40 крупных и малых народов, отдельных племен, этнических групп, говорящих на различных языках, которые относятся не только к иранской, но и к тюркской и семитской языковым семьям. Можно констатировать, что в настоящее время в ИРИ персидский язык активно используется как важный фактор культурной интеграции народов, населяющих страну.

Таким образом наблюдается определенная эволюция в системе этнонациональных отношений, которая была связана с тем потенциалом централизованной системы исламского руководства, продуманного и осторожного курса на совершенствование этнонациональных отношений. Все это привело к разработке различных подходов на разных этапах развития общества, к решению национального вопроса, организации этнонациональных отношений, изменению форм и методов этнонациональных процессов в иранском обществе. Таким образом, этнонациональная политика была результатом эволюции исламского правле-

ния в Иране за последние тридцать лет, как итог внутренней реформации иранского общества[1].

В целом суть нынешнего состояния иранского общества заключается в том, что именно исламские политические силы, свергнувшие шаха, более чем за тридцать лет пребывания у власти осуществили грандиозные социально-экономические проекты по обустройству народов и государства, идентичные с намерением шаха превратить Иран в супердержаву, только совершенно иным путем. И, по утверждению В.И. Сажина, духовенство продолжает вести Иран на самом деле «к великой цивилизации», о чем мечтал шах Мухаммад Реза Пехлеви. Аргументом для этого могут быть: во-первых, решение внутрииранских задач, в частности, обеспечение военно-политической стабильности государства, создание независимой экономики с развитой промышленностью, в том числе военной, строительство мощных вооруженных сил. Во-вторых, превращение Ирана в региональный центр силы путем достижения на Ближнем и Среднем Востоке военно-политического, военно-экономического и собственно военного лидерства. В-третьих, Исламская Республика Иран всего за тридцать лет своего существования под руководством шиитского духовенства смогла решить многие политические, экономические и социальные задачи, которые не смог сделать шахский режим за долгие годы[2].

Таким образом, Иран, насчитывающий множество этнических и религиозных меньшинств и этнографических групп, преодолевая ряд трудностей в диалоге с некоторыми из них, сумел создать «государство-нацию», где «национальность» тождественна «гражданству», и идентификация иранцев происходит в соответствии со своим наименованием Иран. Необходимо отметить: то, что удалось осуществить Ирану, несмотря на столь сложные условия, связанные с воздействием внешних факторов и этнические проблемы, пока не удается ни одному из государств переднеазиатского региона – ни Турции, ни Ираку, ни Афганистану, ни даже Сирии.

Принимая во внимание все вышесказанное, можно согласиться с позицией К.В. Маркова, что у современного Ирана есть все основания войти в мировую историю в качестве первого в мусульманском мире государства, построившего «правовое общество», которое, не будучи порождением западной либерализации, тем не менее станет по своему характеру намного ближе к нему, чем иные светские режимы Ближнего Востока или Северной Африки[3].

---

[1] См.: Иран: эволюция исламского правления. – М., 1998. – С. 87, 169.

[2] См.: *Сажин, В.И.* Иранская «перестройка» и США // Ближний Восток и современность. – 2000. – № 9. – С. 222.

[3] См.: Сущность «исламского возрождения» в современном мире и процесс эволюции общественно-политической системы Исламской Республики Иран // Иран: ислам и власть. – М., 2002. – С. 122.

Список литературы

Конституция Исламской Республики Иран. – Тегеран, 1984 (на перс. языке).

Абдулатипов, Р.Г. Управление этнополитическими процессами: вопросы теории и практики. – М., 2001.

Аятолла Хомейни. Исламское правление. – Алматы, 1993.

Сюкиянен, Л.Р. Мусульманское право: вопросы теории и практики. – М., 1986.

Тридцать лет исламской революции в Иране. – М., 2009.

© Саидов Х.С., 2010

Х.Х. Хизриев

ПРОБЛЕМА ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

ХИЗРИЕВ Хасмагомед Хайдарович – помощник Президента Чеченской Республики, председатель комитета по вопросам промышленности, энергетики, транспорта и связи Парламента Чеченской Республики (e-mail: l_genna@mail.ru)

Аннотация. *В статье рассматриваются проблемы ликвидации безработицы в Чеченской Республике на примере восстановления нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей отрасли, агропромышленного комплекса и строительства.*

Ключевые слова: *занятость, безработица, бедность, инвестиционная политика.*

Проблема занятости населения – одна из сложнейших в Северо-Кавказском регионе. В Чеченской Республике она связана с преодолением фактически кризисной социально-экономической ситуации, поскольку в настоящее время в Республике сохраняется тенденция отставания не только от среднероссийского уровня по ряду основных показателей социально-экономического развития, но и от уровня остальных регионов Северного Кавказа. Низкие показатели социально-экономического развития обусловливают высокий уровень безработицы и социальной необу-